

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 2 пункта 4 статьи 181² Гражданского кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

7 июля 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А.Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет»,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации религиозная организация «Церковь евангельских христиан «Назарет» оспаривает конституционность подпункта 2 пункта 4 статьи 181² «Принятие решения собрания» ГК Российской Федерации, согласно которому в протоколе о результатах очного голосования участников собрания

гражданско-правового сообщества должны быть указаны сведения о лицах, принявших участие в таком собрании.

Как следует из представленных материалов, Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан отказало в удовлетворении заявления религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет» о государственной регистрации изменений в ее учредительные документы со ссылкой на то, что представленные документы не соответствуют требованиям законодательства.

Советский районный суд города Казани, отказывая в признании данного решения незаконным, указал, что в протоколе общего собрания религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет» отсутствовали сведения о составе участников этого собрания, что в силу подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации недопустимо (решение от 13 марта 2015 года). Суд апелляционной инстанции оставил без удовлетворения апелляционную жалобу заявителя на решение суда первой инстанции; в передаче кассационной жалобы на состоявшиеся судебные постановления для рассмотрения в заседании суда кассационной инстанции заявителю также было отказано.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение, устанавливающее общее для всех гражданско-правовых сообществ правило об указании в протоколе общего собрания, в том числе по вопросу о внесении изменений и дополнений в устав, сведений о лицах, принявших участие в собрании, вынуждает членов религиозных организаций, в нарушение гарантированного статьей 29 (часть 3) Конституции Российской Федерации права не быть принужденным к выражению своих убеждений, раскрывать свою принадлежность к определенному вероисповеданию.

2. Статьи 19 (части 1 и 2), 28 и 29 (часть 3) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи гарантируют каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или

совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, и при этом отвергают любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности и не допускают принуждения к выражению своих мнений и убеждений.

Особенности гражданско-правового положения религиозных объединений, в том числе религиозных организаций – юридических лиц, зарегистрированных в таком качестве, согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулируются именно названным Федеральным законом (статья 8) и ему должны соответствовать принимаемые в Российской Федерации законы и иные нормативные правовые акты, затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также деятельность религиозных объединений (статья 1, пункт 2 статьи 2). При этом положения Гражданского кодекса Российской Федерации в силу пункта 2 его статьи 123²⁶ применяются к религиозным организациям, если иное не установлено Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» и другими законами.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о гражданско-правовом положении религиозных организаций, в ряде своих решений сформулировал следующие правовые позиции:

федеральный законодатель, реализуя полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты «в», «о») и 76 Конституции Российской Федерации, вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания религиозного объединения в качестве юридического лица, порядок его учреждения, создания и государственной регистрации, и определить содержание правоспособности религиозных объединений, исходя из того что вводимые им меры, относящиеся к учреждению, созданию и регистрации религиозных организаций, не должны искажать само существо свободы вероисповедания, права на объединение и

свободы деятельности общественных объединений, а возможные ограничения, затрагивающие эти и иные конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям (Постановление от 6 декабря 2011 года № 26-П);

не существует юридических препятствий для того, чтобы религиозное объединение создавалось и действовало без государственной регистрации, однако при этом оно не будет обладать статусом юридического лица и пользоваться обусловленными им правами и льготами, предусмотренными Федеральным законом от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» для религиозных организаций (пункты 3 и 4 статьи 5, пункт 5 статьи 13, статьи 15–24), т.е. такими коллективными правами, которые граждане реализуют совместно с другими гражданами и именно через религиозную организацию, наделенную статусом юридического лица, но не каждый в отдельности или через религиозную группу (Определение от 9 апреля 2002 года № 113-О);

исходя из задачи обеспечения соответствия деятельности религиозных объединений, создаваемых в форме религиозных организаций, целям, для которых они создаются – для совместного исповедания и распространения веры, законодатель предъявляет особые требования к процедуре создания и условиям деятельности религиозных организаций (Определение от 25 января 2012 года № 115-О-О).

Положение подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, требующее указывать в протоколе о результатах очного голосования на собрании гражданско-правового сообщества сведения о принявших участие в таком собрании, не ограничивает сферу своего действия юридическими лицами какой-либо конкретной организационно-правовой формы. Согласно разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, под решениями собраний в данном случае должны пониматься решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на

собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений; к решениям собраний относятся и решения коллегиальных органов управления юридического лица (собраний участников); при этом нормы главы 9¹ ГК Российской Федерации к решениям собраний применяются в части, не урегулированной специальными законами, или в части, конкретизирующей их положения, например о сведениях, указываемых в протоколе (пункты 3–5 статьи 181² ГК Российской Федерации) (пункты 103 и 104 постановления от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Из этого следует, что оспариваемое положение Гражданского кодекса Российской Федерации применимо и к принимаемым общим собранием религиозной организации решениям, касающимся внесения изменений и дополнений в ее устав.

2.2. Предусматривая в Федеральном законе от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» специальную форму для оформления решения собрания – протокол – и требования к его содержанию, т.е. к сведениям, указываемым в нем, Федеральный законодатель стремился обеспечить достоверность даты принятия решения, его содержания и установить лиц, ответственных за достоверность содержащихся в протоколе сведений (на это указывалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», отдельные положения которого в соответствии с постановлением Государственной Думы от 16

ноября 2012 года № 1150-6 были приняты затем в качестве самостоятельных законопроектов).

Несоблюдение требований к протоколу, согласно подпункту 4 пункта 1 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, может стать основанием к признанию его недействительным (хотя в случае оспаривания решения собрания само по себе оно не влечет безусловного вывода о ничтожности такого решения). При этом в оспаривании решения собрания по мотиву предполагаемых нарушений законных интересов отдельных участников или гражданско-правового сообщества в целом (таких, которые могут привести к существенным неблагоприятным последствиям в виде возникновения убытков, лишения права на получение выгоды от использования имущества гражданско-правового сообщества, ограничения или лишения участника возможности в будущем принимать управленческие решения или осуществлять контроль за деятельностью гражданско-правового сообщества) могут быть заинтересованы в первую очередь лица, не принимавшие участия в собрании или голосовавшие против принятия оспариваемого решения (абзац первый пункта 3 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации); решение собрания может быть признано судом недействительным, если голосование лица, чьи права затрагиваются этим решением, могло повлиять на его принятие (пункт 4 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, пункт 109 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Следовательно, оспариваемое законоположение направлено не на ущемление, а на наилучшую защиту законных интересов всех участников гражданско-правового сообщества, не исключая членов религиозной организации. Кроме того, учитывая, что согласно пункту 3 статьи 181² ГК Российской Федерации протокол собрания в обязательном порядке подписывается председательствующим на собрании и секретарем собрания

(которые избираются из числа его участников), оспариваемое законоположение позволяет наиболее полно обеспечить принцип правового равенства между всеми участниками собрания религиозной организации независимо от их роли.

2.3. Подпункт 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, требующий указывать в протоколе сведения о принявших участие в собрании, сам по себе не регулирует вопрос об объеме информации, подлежащей представлению в компетентные государственные органы в связи с государственной регистрацией изменений и дополнений, внесенных в устав религиозной организации, и тем более не предусматривает возможности раскрытия этой информации иным лицам, – он лишь устанавливает форму ее фиксации.

Порядок государственной регистрации изменений и дополнений, вносимых в устав религиозной организации, по смыслу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (статья 11), а также федеральных законов от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (статьи 13¹ и 23) и от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (глава VI), определяется указанными законоположениями, которые в жалобе религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет» не оспариваются и которые, устанавливая, что в регистрирующий орган представляется в том числе решение правомочного органа о внесении изменений в учредительные документы, требований к форме такого решения и объему представляемых при этом сведений также не предъявляют.

В силу этого применение оспариваемой заявителем нормы, как и иных находящихся в системном единстве с нею норм, невозможно без обращения к подзаконным нормативным актам, уточняющим порядок исполнения обязанностей, возникающих в связи с государственной регистрацией изменений и дополнений, внесенных в устав религиозной

организации. Так, административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций (утвержден приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 455) устанавливает, что при принятии решения о внесении изменений в учредительные документы и (или) изменении иных сведений, подлежащих внесению в Единый государственный реестр юридических лиц, протокол (выписка из протокола) заседания высшего, иного уполномоченного органа управления некоммерческой организации в случае проведения заседания в форме общего собрания (заседания) должен, помимо прочих сведений, содержать сведения об общем количестве членов (участников, учредителей) высшего или иного уполномоченного органа управления некоммерческой организации на дату проведения заседания и о количестве фактически присутствующих на заседании членов (участников, учредителей), о соблюдении положений устава некоммерческой организации в части определения правомочности (кворума) заседания высшего или иного уполномоченного органа управления (пункт 43). При этом судебный контроль за законностью подзаконных нормативных правовых актов, в том числе административных регламентов, и устранение имеющейся в них неопределенности может быть осуществлен соответствующими судами в пределах и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 448-О).

2.4. Сведения о персональном составе участников собрания религиозной организации, вопреки утверждению заявителя, не относятся к информации, доступ к которой не ограничен. Такой вывод вытекает из самого подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, рассматриваемого в свете положений Федерального закона «О персональных данных».

Названный Федеральный закон предусматривает, что обработка персональных данных допускается, когда она, в частности, необходима для исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти, участвующих в предоставлении государственных услуг, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и должна осуществляться с соблюдением определенных принципов и правил (часть 1 статьи 6): так, обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки; обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки (части 4–5 статьи 5); обработка персональных данных специальных категорий, в том числе касающихся религиозных убеждений, не допускается, за исключением ряда случаев, к каковым данный Федеральный закон относит необходимость обработки персональных данных для установления или осуществления прав субъекта таких данных или третьих лиц, а равно в связи с осуществлением правосудия (часть 1 и пункт 6 части 2 статьи 10); операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом (статья 7).

Помимо этого статьи 19, 21, 23 и 24 Федерального закона «О персональных данных» закрепляют меры, направленные на обеспечение безопасности персональных данных при их обработке (защита от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения и пр.), обязанности оператора по устранению нарушений законодательства, допущенных при обработке персональных данных, по уточнению, блокированию и уничтожению персональных данных, а также устанавливают ответственность за нарушение требований данного Федерального закона и

полномочия органа, осуществляющего защиту прав субъектов персональных данных.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, правовое регулирование, предусматривающее защиту и ограниченное использование персональных данных и называющее конфиденциальность персональных данных в качестве общего требования, которое предполагает, что операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, т.е. любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом, направлено на обеспечение выполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления своих обязанностей, связанных с предоставлением гражданам государственных (муниципальных) услуг, и в то же время – на защиту прав и интересов лиц, нуждающихся в получении государственных (муниципальных) услуг (определения от 18 октября 2012 года № 1961-О и от 22 декабря 2015 года № 2906-О).

2.5. Таким образом, оспариваемое положение Гражданского кодекса Российской Федерации, действующее в системе норм данного Кодекса и иных нормативных правовых актов и не допускающее, вопреки утверждению заявителя, беспрепятственного распространения информации о религиозных убеждениях его участников, ставшей доступной компетентным государственным органам при исполнении ими своих функций, его конституционные права не нарушает.

Соответственно, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, закрепленному в статьях 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята им к рассмотрению.

Заявитель, оспаривая конституционность подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, указывает на его несогласованность с пунктом 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в силу которого никто не обязан сообщать о своем отношении к религии, и статьей 10 Федерального закона «О персональных данных», посвященной обработке специальных категорий персональных данных. Иными словами, фактически он ставит вопрос о проверке правильности установления подлежащих применению в его деле правовых норм.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что истолкование и выбор подлежащих применению норм, в том числе в случаях конкуренции норм законов и норм, содержащихся в подзаконных актах, возлагается на суды общей юрисдикции и арбитражные суды; разрешение такого рода вопросов не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 1423-О

В.Д.Зорькин